1
Т-77-ки (I)

Кн. С. Н. Трубецкой.

Проверено 1968 г.

КУРСЪ

ИСТОРІИ ДРЕВНЕЙ ФИЛОСОФІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Всеукр. Комун. Інститут Радян. Будівн. та Права
ФУНДАМЕНТАЛЬНА БІБЛІОТЕКА
36745
201293

Изданіе 3-е.

ФУНДАМЕНТАЛЬНА БІБЛІОТЕКА

Перевірено
2002
ВРК

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К⁰. Пименовская ул., соб. д.
1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе . . . . . 1—18

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Изученіе древней философіи. Ея источники и дѣленіе на періоды . . 19—32

Источники 23
Три періода исторіи древней философіи 28

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Религія древнихъ грековъ . . . . . 32—66

Общія замѣчанія 32
Греческіе боги 34
Культъ героевъ и мертвыхъ и религіозная психологія 44
Древнѣйшія представленія о происхожденіи боговъ, о промыслѣ и міровомъ порядкѣ 48
Мистеріи и мистицизмъ. Орфики 57

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ранняя іонійская физика . . . . . 67—83

Θалесъ 71
Анаксимандръ 74
Анаксименъ 80

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Пиѳагоръ и пиѳагорейцы . . . . . 83—104

Источники 83
Пиѳагоръ и его союзъ 85
Философскія начала пиѳагорейцевъ 90
Космологія пиѳагорейцевъ 98
Общіе выводы 102

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Гераклитъ . . . . . 104—120

Философія мірового процесса 107
Физика Гераклита 112
Антропологія Гераклита 115
Судьба ученія Гераклита и его оцѣнка 119

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Элейская школа . . . . . 120—142

Ксенофанъ 120
Парменидъ 125

Стр.

Зенонъ 134
Мелиссъ 139

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Эмпедоклъ . . . . . 142—152

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Атомисты . . . . . 152—168
Левкиппъ и Демокритъ 153
Основы атомизма 154
Космологія атомистовъ 158
Психологія атомистовъ 160
Мораль Демокрита 162
Оцѣнка атомизма 165

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Анаксагоръ и послѣдніе натурфилософы V в. . . . . . 168—185
Ученіе о матеріи 170
Ученіе объ Умѣ или духовномъ началѣ 173
Діогенъ Аполлонійскій 178
Гиппократъ и его школа 180

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Софисты . . . . . 185—202
Появленіе софистовъ въ качествѣ профессіональныхъ учителей 185
Преподавательская дѣятельность софистовъ 188
Скептицизмъ софистовъ. Протагоръ и Горгій 191
Нравственныя ученія софистовъ 194

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Сократъ . . . . . 202—231
Личность и дѣятельность Сократа 202
Ученіе Сократа о знаніи и понятіяхъ 212
Этика Сократа 218
Ученіе о благѣ 221
Богословіе Сократа 226

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Сократическія школы . . . . . 232—255
Мегарская школа 233
Киническая школа 238
Киренская школа 248

Предисловіе издателей къ первому изданію.

Выпуская въ свѣтъ послѣднюю работу кн. С. Н. Трубецкого по исторіи древней философіи, издатели считаютъ своимъ долгомъ указать, что вошедшій въ эту книгу матеріалъ былъ почти въ полномъ своемъ объемѣ приготовленъ къ печати самимъ авторомъ, при чемъ первые пять листовъ получили уже въ его рукахъ послѣднюю отдѣлку и были сданы имъ въ типографію въ окончательно исправленномъ видѣ. При такихъ условіяхъ дѣло издателей сводилось къ тому, чтобы при посредствѣ мелкихъ поправокъ чисто-внѣшняго характера и чрезъ подысканіе отдѣльныхъ цитатъ, для которыхъ были оставлены въ различныхъ мѣстахъ рукописи пробѣлы, сообщить болѣе завершонную форму той части книги, которая не подверглась со стороны автора окончательной обработкѣ. Отсутствіемъ этой обработки объясняются нѣкоторыя повторенія и другіе мелкіе недочеты, которые, конечно, были бы устранены авторомъ при дальнѣйшей отдѣлкѣ своего труда, но съ которыми въ изданіи посмертномъ приходится мириться: стремленіе достигнуть возможно болѣе точной передачи рукописнаго матеріала принуждало избѣгать въ немъ всякихъ измѣненій, за исключеніемъ вполнѣ и безусловно необходимыхъ, и издатели должны были отказаться отъ исправленій, произвести которыя автору не было суждено, а они уже не считали себя въ правѣ.

Выходящая въ настоящее время книга, доводя изложеніе древней философіи до Платона, вмѣщаетъ въ себѣ весь матеріалъ, обработанный авторомъ для первой части задуманнаго имъ труда; выпускъ въ свѣтъ второй части произойдетъ послѣ того, какъ будутъ собраны и систематизированы всѣ источники, на почвѣ которыхъ оказалось бы возможнымъ облечь эту часть въ ту форму, которую предполагалъ придать ей авторъ. Не взирая на затрудненія, съ которыми придется считаться подобной работѣ, издатели не могутъ отказаться отъ надежды, что имъ удастся довести свое дѣло до конца, и что наша научная литература пополнится появленіемъ *русской* исторіи древней философіи въ законченномъ видѣ.

ВВЕДЕНІЕ.

1.

Со времени Сократа однимъ изъ самыхъ сильныхъ и наглядныхъ возраженій противъ возможности философіи служило указаніе на всеобщее разногласіе философовъ между собой. Каждое оригинальное философское ученіе отличается отъ прочихъ, расходится съ ними, противорѣчитъ имъ и само таитъ въ себѣ внутреннія противорѣчія и несовершенства; ни одно не можетъ удовлетворить требованіямъ человѣческаго разума, потому что требованія его безусловны.

Средства для реформы философіи и философской дѣятельности предлагались не разъ и не разъ уже вели къ дѣйствительнымъ переворотамъ въ области мысли. Но они не измѣняли положенія философіи по отношенію къ ея конечному предмету, той Истинѣ, которую она ищетъ: попрежнему философія стремится ее постичь, и попрежнему это стремленіе осуществляется въ различныхъ расходящихся между собою философскихъ ученіяхъ, которыя даютъ удовлетвореніе отдѣльнымъ умамъ, но не могутъ дать полнаго и точнаго удовлетворенія человѣческой мысли въ ея цѣломъ. А кажется, всѣ возможные способы рѣшенія были ею извѣданы.

Сократъ думалъ, что философія станетъ на правый путь, если она откажется отъ умозрѣнія «о дѣлахъ божественныхъ», о природѣ вещей, о первыхъ началахъ сущаго; чтобы сдѣлать ее достовѣрною, мы должны отказаться отъ попытки познать то, что превышаетъ нашъ разумъ, и ограничиться познаніемъ «дѣлъ человѣческихъ», т.-е. нравственной областью. Однако и такое средство не помогло: въ области нравственной философіи все оказалось столь же спорнымъ, какъ и въ области умозрѣнія о природѣ вещей. Уже среди учениковъ Сократа мы находимъ самое рѣшительное разногласіе по вопросамъ о цѣляхъ человѣческаго поведенія, о благѣ, о добрѣ, о добродѣтеляхъ, объ обязанностяхъ человѣка по отношенію къ его ближнимъ и къ обществу.

До сихъ поръ разногласіе это не прекращается, и философы не могутъ столковаться не только относительно общихъ основаній и

принциповъ, но и относительно самыхъ опредѣленій права и нравственности: астрономическія явленія, которыя Сократъ причислялъ къ «дѣламъ божественнымъ», давно стали предметомъ научнаго знанія, а споръ о томъ, что такое право, что такое нравственность,— ведется и до сихъ поръ.

2.

Чтобы положить конецъ безплоднымъ спорамъ, предлагалось и болѣе радикальное средство, равносильное отреченію отъ самой философіи: предлагалось безусловное отреченіе отъ умозрѣнія въ пользу точнаго знанія. Неоднократно стремились показать, что человѣческому разуму доступны лишь частныя знанія, достигаемыя путемъ опыта, что разумъ нашъ достовѣренъ лишь въ области математики, и что онъ теряетъ всякую почву, какъ только онъ выходитъ за предѣлы опыта или за предѣлы математическихъ отношеній. Въ самомъ дѣлѣ, мы познаемъ лишь то, что намъ дано во времени и пространствѣ, то, что намъ является; а все, что является намъ, преломляется въ нашемъ сознающемъ, чувствующемъ субъектѣ; мы видимъ все черезъ призму нашихъ чувствъ и нашего разсудка, а слѣдовательно и не можемъ познавать сущее, какъ оно есть, независимо отъ насъ, отъ нашей относительной точки зрѣнія.

Далѣе, въ нашемъ опытѣ намъ дано лишь частное; и если мы путемъ разумнаго, правильнаго обобщенія и познаемъ нѣкоторые общіе законы тѣхъ частныхъ явленій, которыя мы наблюдаемъ, то все же самыя широкія научныя обобщенія даютъ намъ лишь *частное* знаніе. А философія, какъ бы мы ее ни опредѣляли, стремится къ универсальному, *цѣлостному міропониманію*; умозрѣніе ищетъ конечной системы знанія, объясненія начала и конечной причины нашего бытія. И отсюда-то доказывается невозможность философіи вообще и, въ частности—умозрительной философіи: въ каждомъ философскомъ ученіи мы находимъ лишь опредѣленное человѣческое міропониманіе, носящее на себѣ отпечатокъ своего вѣка, той среды, въ которой оно возникло, того индивидуальнаго генія, который его выработалъ; и это человѣческое представленіе ставится на мѣсто цѣлой всеединой истины, выдается за сущую истину.

3.

Были попытки отказаться отъ философіи въ этомъ смыслѣ и указать предѣлы человѣческаго разума; были попытки отдѣлить точное знаніе

есть нѣчто безотносительное, безусловное; вѣдь самъ онъ обусловленъ дѣятельностью нашего сознанія и воздѣйствіемъ внѣшняго намъ «*не-я*» на наше сознающее, чувствующее «*я*». Опытъ есть отношеніе познающаго къ познаваемому, при чемъ и то, и другое существуетъ, очевидно, и *до* такого отношенія. Какъ оно возможно? Что посредствуетъ между познающимъ и познаваемымъ? Каковъ бы ни былъ отвѣтъ, ясно, что самый опытъ *предполагаетъ* какъ указанное соотношеніе, такъ и дѣйствительность соотносящихся началъ. *Опытъ предполагаетъ нѣчто, независимое отъ опыта и обусловливающее опытъ.*

Взглянемъ на дѣло съ другой стороны: эмпирики утверждаютъ, что мы познаемъ лишь явленія. Эти явленія связаны между собою отношеніями послѣдовательности и сосуществованія, которыя подчиняются нѣкоторымъ общимъ правиламъ или законамъ. Но сами по себѣ явленія не существуютъ, какъ не существуютъ цвѣта или звуки безъ зрѣнія и слуха, способныхъ воспринять ихъ. Явленіе предполагаетъ, во-первыхъ, нѣчто такое, что является; во-вторыхъ, сознающее, чувствующее существо, которому является это нѣчто, и, въ-третьихъ, отношеніе между я и не-я, субъектомъ и объектомъ. Явленія сводятся къ отношеніямъ. Но эти отношенія опять-таки предполагаютъ нѣчто ихъ обусловливающее, обосновывающее, ибо мы не можемъ мыслить отношеній безъ относящихся. И если міръ явленій есть безконечно-сложная совокупность реальныхъ отношеній, то онъ предполагаетъ, во-первыхъ, совокупность всѣхъ реальныхъ соотносящихся началъ, а во-вторыхъ, и нѣкоторое общее связывающее начало, основаніе всѣхъ отношеній, обосновывающее міръ явленій. Но это опять-таки общая схема цѣлаго метафизическаго міросозерцанія, все равно какъ бы мы ни понимали тѣ элементы, или начала, которые обусловливаютъ міръ явленій. И такимъ образомъ самое понятіе *явленія* выводитъ насъ за предѣлы явленія, точно такъ же, какъ понятіе опыта выводитъ насъ за предѣлы опыта.

4.

Основная проблема гносеологіи (теоріи познанія)—вопросъ о возможности познанія—допускаетъ положительное или отрицательное рѣшеніе, но въ обоихъ случаяхъ съ каждымъ даннымъ рѣшеніемъ связана своего рода метафизика, своего рода общее, чисто умозрительное представленіе о природѣ нашего разума, объ отношеніи этого разума къ сущему, наконецъ, даже о природѣ самого этого сущаго, о природѣ вещей. Представимъ себѣ, напримѣръ, чисто отрицательное рѣ-

шеніе, повидимому безусловно устраняющее всякую метафизику: мы ничего не можемъ знать о сущемъ, о вещахъ, какъ онѣ существуютъ сами по себѣ безъ отношенія къ нашему сознанію, такъ какъ наше познающее «я» безусловно ограничено субъективными состояніями своего сознанія и не можетъ переходить его границы. Спрашивается однако: откуда мы это знаемъ? Изъ опыта? Нѣтъ, потому что опытъ, повидимому, убѣждаетъ въ существованіи независимой отъ насъ вселенной; какъ сознательное отношеніе нашего «я» къ чему-то «другому», какъ *воспріятіе* этого другого, онъ предполагаетъ реальность этого другого, предшествующую опыту и независимую отъ нашего сознанія. А, слѣдовательно, ученіе о томъ, что познаніе наше субъективно, что оно ограничено лишь внутренними состояніями субъекта, его представленіями или ощущеніями,—есть результатъ не опыта, а умозрѣнія объ опытѣ или о природѣ нашего сознанія. Да и всякая иная теорія опыта, изслѣдуя вопросъ объ его общихъ условіяхъ, о томъ, что обосновываетъ опытъ, естественно выходитъ за его предѣлы и неизбѣжно ведетъ къ выводамъ метафизическаго характера. Ученіе о неизбѣжной субъективности нашего познанія, о невозможности познавать какія бы то ни было вещи или отношенія, что бы то ни было внѣ нашего субъективнаго сознанія—не составляетъ исключенія. Это ученіе заставляетъ насъ признать всю окружающую, познаваемую нами дѣйствительность нашимъ представленіемъ (die Welt als Vorstellung, «міръ какъ представленіе», Шопенгауэра) и ведетъ насъ къ феноменизму или къ чистому *иллюзіонизму*. Другіе, исходя изъ того же ученія, признавали внѣ явленія какую-то неизвѣстную «вещь въ себѣ» (или вещи въ себѣ) безъ всякаго отношенія къ нашему разуму и къ познаваемой дѣйствительности и постольку абсолютно непознаваемую. Какъ бы ни казались отрицательны такіе выводы, они все же имѣютъ характеръ метафизическихъ положеній. Признаемъ ли мы реальное существованіе внѣ нашего сознанія или отрицаемъ его, утверждаемъ ли мы, что есть только явленія, или же допускаемъ на ряду съ ними и абсолютно отличныя отъ нихъ «вещи въ себѣ», хотя бы и «непознаваемыя»,—все это воззрѣнія, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ онтологіи, къ метафизикѣ, и которыя, такъ или иначе, связаны съ цѣлымъ міровоззрѣніемъ.

5.

И вотъ почему мыслители, которые со времени Бэкона стремятся создать эмпирическую или опытную философію, не могутъ успѣть въ своемъ предпріятіи и притти къ согласному результату. Вотъ почему

разногласія, раздѣляющія ихъ въ области теоретической и практической философіи, суть тѣ же, какія существуютъ и среди метафизиковъ: различные оттѣнки матеріализма и антиматеріализма, идеализма и реализма, монизма и дуализма встрѣчаются и здѣсь, и сквозь прорѣхи «эмпирической» психологіи сквозитъ догматическая метафизика. Это сознается и многими изъ современныхъ сторонниковъ эмпиризма, которые направляютъ всѣ свои усилія на его возможное очищеніе отъ всякихъ метафизическихъ элементовъ и полагаютъ своею цѣлью окончательную *стерилизацію* эмпиризма, путемъ критическаго выдѣленія «чистаго» опыта. Но такая цѣль является ложной и призрачной, поскольку «чистый» опытъ есть лабораторный продуктъ, существующій лишь въ головѣ теоретиковъ. Въ дѣйствительности опытъ есть сложный продуктъ дѣятельности различныхъ нашихъ познавательныхъ способностей, и въ этой дѣятельности нашъ познающій разумъ выходитъ за предѣлы того, что непосредственно дано ему въ чувственномъ ощущеніи, въ субъективныхъ состояніяхъ сознанія,—поскольку онъ отличаетъ отъ своего «я» какъ эти отдѣльныя состоянія, такъ и реальные внѣшніе предметы, которые онъ воспринимаетъ объективно въ ихъ необходимой связи съ другими реальными предметами, также отличными отъ этого «я». Опытъ обусловленъ *самодѣятельностью* нашего разума, который въ самомъ опытѣ выходитъ за предѣлы того, что непосредственно *испытывается* нами въ нашихъ ощущеніяхъ, въ состояніяхъ нашего сознанія.

6.

Нашъ разумъ—прирожденный метафизикъ, и онъ не можетъ ограничиться одними явленіями, какъ онъ не можетъ мыслить отношеній безъ относящихся или обусловленнаго безъ обусловливающаго. И не простое безотчетное стремленіе заставляетъ его искать абсолютнаго и безусловнаго надъ всѣмъ относительнымъ и обусловленнымъ, стремиться осмыслить всѣ частныя знанія, понять ихъ общую связь. Ибо если всѣ дѣйствительныя знанія наши частны и ограничены, то самъ разумъ-то нашъ, въ своей мыслительной логической способности, in potentia—не ограниченъ: уже Сократъ, столь настойчиво указывавшій на ограниченность человѣческаго знанія, впрвые раскрылъ *формальную логическую универсальность понятій нашего разума, а слѣдовательно и самого разума*. Наши понятія универсальны по своей логической формѣ, поскольку они относятся не къ единичному, а къ общему,—къ общимъ родовымъ и видовымъ признакамъ: таковы понятія человѣкъ, животное, треугольникъ и т. д. Въ опытѣ